

АРХАНГЕЛЬСКИЙ М. И. — в ОГПУ

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Михаил Иванович, родился в 1871. Получил духовное образование, священник, с 1899 — начал служение, в 1920-е — служил в церкви села Красное Бежицкого уезда Брянской губ. 19 сентября 1929 — арестован и заключен в Брянскую тюрьму, 3 февраля 1931 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Усть-Цильму (Коми область). В феврале 1931 — обратился с заявлением в ОГПУ.

<20 февраля 1931>

«НАЧАЛЬНИКУ ОГПУ

Административно высланного
Архангельского Михаила
Ивановича, находящегося
в деревне "Кривая Виска"
Уегского Сел<ьского> совета
Усть-Цильминского района,
области Коми.

Заявление.

Я, гражданин СССР и был священником в селе Красном, Выгонического РИКа, Бежицкого уезда, Брянской губ<ернии>, Западной области. 19-го сентября 1929 г<ода> я, по распоряжению Брянского ОГПУ, был арестован и заключен в Брянский Исправ<ительный> дом. В октябре был допрошен уполномоченным, которым мне предъявлен был ряд обвинительных пунктов с применением 58 ст<атьи> пункт 10 УК. В начале ноября законченное следственное дело было направлено в Смоленское областное ГПУ, и 3-го февраля 1930 года мне был объявлен приговор, которым я осуждался к трехлетней высылке в Северный край.

Получив такой суровый приговор я, как во время получения его, так и в настоящее время нахожусь в недоумении, за что, за какие антиправительственные действия я подвергся строгой каре, и в чем, в сущности говоря, проявилась моя агитационная деятельность по отношению к Советской власти, если из всего следственного материала, или лучше сказать, из тех, предъявленных мне обвинительных пунктов нельзя указать случаев систематической агитации, кроме нечаянных случайных разговоров, обычных в житейском понимании <нрзб.> рассудка. Это обвинение, как абсурдное, я совсем отрицаю <...>.

Четвертое обвинение: во время сбора хлеба, в каком-то доме я говорил, что, когда не будет Советской власти, то хлеба будут с граждан собирать в десять раз больше, чем теперь. Не отрицаю, что разговор подобный и мог быть, но только форма и содержание его было совершенно иное, а именно, вспоминается, что где-то хозяин, отдавая мне хлеб, в шутливой форме и смеясь спросил меня: "А что, батюшка, будете собирать хлеб, если вдруг не будет Советской власти?" Смеясь, я ответил ему в том же тоне, что буду по 10 ф<унтов> брать. Но этой фразой, по моему мнению, не только не подрывалось доверие к власти, а напротив, увеличивался ее престиж и достоинство, так как при ее революционной законности никаким злоупотреблениям и произволу не может быть места в пределах Пролетарской Республики.

Пятое: произнесенные проповеди о кино и театре, но обвинение настолько неопределенное и не выясненное, что допрашивающий и сам не придавал ему значения и не стал подробно допрашивать, так что относительно этого пункта ничего не могу сказать.

Шестое: будто бы где-то говорил, что война с Китаем для нас

желательна, но это абсурд. О желательности войны вообще с кем бы то ни было я, как и разумный человек, с одной стороны, и, с другой, как фактически испытавший ужасы ее, я не мог желать, а напротив, при разговорах о войне вообще всегда был противником ее.

Вот и все обвинительные пункты, предъявленные мне, и хотя допрашивавший меня придавал им агитационный характер и уверял меня, что их подтверждают свидетели, но я, в свою очередь, не придавал этим случайными неожиданным разговорам такого значения и, зная свое безупречное поведение по отношению к власти, выставил целый ряд свидетелей и даже ссылаясь на весь приход, могущий подтвердить, что они никогда и нигде не слыхали, чтобы я что-либо говорил вредного против Власти. Но мои свидетели, очевидно, не были допрошены, а вера была свидетелям, по каким-то причинам неприязненно ко мне настроенным. Да и эти свидетели, если бы я даже и вел какую-либо агитацию, не могут ее точно, ясно и определенно формулировать, потому что они при этих разговорах не были, а могли слышать от вторых, третьих лиц, искаживших и перефразировавших по своему понятию и своеобразному способу передавать, даже иногда с преувеличенной отсебятиной чужие слова, получавшими в их устах иной смысл и значение, и благодаря этому, моим случайным разговорам не придать никакой системы, а тем более желая подорвать в собеседниках доверие к Власти и был придан агитационный характер с применением 58 ст<атьи> 10 п<ункт> УК с суровым приговором в отдаленный край на 3 года.

Я безропотно подчинился суровому приговору, второй год несу наказание, и если бы не пошатнувшееся здоровье, расшатанное 5-ти месячным заключением и этапными передвижениями, усугубляемое душевной скорбью об оставшихся на родине без всяких средств к существованию близких родных, из которых одной 80 лет, принужденных жить в <нрзб.> помещении, заставляет меня обратиться к Власти с просьбой о смягчении наложенного наказания. Находясь в ссылке, я четыре раза переболел, в последний раз, после полуторамесячной болезни парализована была правая половина лица с перекошением рта и повреждением зрения и слуха, что при моем 60-и летнем возрасте является опасным для жизни. Пусть в глазах Советской Власти я являюсь вредным членом и несу достойное наказание, я преклоняюсь перед этим приговором, но в то же время, сознавая свое безупречное и лояльное отношение к Власти, что могут подтвердить и граждане того прихода, в котором прошла моя 32-летняя пасторская деятельность, я осмеливаюсь просить Власть освободить меня от несомого наказания и возвратить на мою родину к беспомощным родным <...>¹.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 586. С. 122-125. Автограф.